

но право Даніи должно было подчиниться прусской военной силѣ. Можно ли говорить о возстановленіи права путемъ войны, когда результатъ зависитъ исключительно отъ превосходства силы, которое рѣдко совпадаетъ съ превосходствомъ права? Для слабаго государства самыя безспорныя права и справедливейшія требованія остаются безъ всякой охраны, если ихъ отрицаетъ сильный противникъ; а могущественная держава свободно нарушаетъ юридическій порядокъ и игнорируетъ соображенія справедливости, не опасаясь ни „принужденія“, ни „возстановленія“. Если сила и право—синонимы, то можно говорить и о правѣ войны; но зачѣмъ маскировать грубый фактъ господства силы натянутыми фразами объ идеѣ права? Нужно называть вещи настоящими именами, не прибѣгая къ натяжкамъ, спутывающимъ разнородныя понятія въ ущербъ истинѣ. „Право и оружіе чаще всего противоположны между собою“, по признанію Гуго Гроція. Это положеніе имѣетъ силу теперь, какъ и двѣсти лѣтъ тому назадъ. Никакое право, хотя бы самое священное, не устоитъ противъ миллионной арміи, направляемой честолюбивыми и безразборчивыми патріотами. Нынѣшняя Германія всегда будетъ права противъ такихъ сосѣдей, какъ Данія; Англія всегда считаетъ себя въ правѣ распоряжаться по своему въ Египтѣ и вездѣ, гдѣ она не предвидитъ серьезнаго сопротивленія, не стѣсняясь вовсе вопросомъ о правѣ. Г. Мартенсъ находитъ сходство между принужденіемъ, охраняющимъ законы внутри государства, и употребленіемъ силы въ международныхъ дѣлахъ; но онъ упустилъ изъ виду существенную разницу, уничтожающую всякую возможность параллели между обѣими категоріями фактовъ. Въ спорахъ между отдѣльными лицами принужденіе употребляется только послѣ того, какъ рѣшенъ вопросъ о правѣ посредствомъ суда, на основаніи законовъ; сила дѣйствуетъ противъ стороны, признанной уже неправой,—тогда какъ между государствами война рѣшаетъ дѣло въ пользу сильнѣйшаго, независимо отъ того, кто правъ и кто виноватъ.

Переименовать войну въ „международное принужденіе“ или даже въ „средство международного управленія“,—не значить еще смягчить существующее понинѣ господство физической силы, которое, по автору, отличало собою эпоху, предшествовавшую вестфальскому миру. Въ средніе вѣка избіеніе человѣческихъ массъ не было еще доведено до такого совершенства и до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ въ новѣйшее время; средневѣковыя битвы могутъ считаться дѣтскими забавами сравнительно съ сраженіями при Садовой, при Гравелоттѣ или Марсъ-Латурѣ, гдѣ десятки тысячъ людей умерщвлялись въ одинъ день; рыцарскія осады крѣпостей и замковъ кажутся пустяками въ сравненіи съ осадой Парижа нѣмцами или